УДК 32. 019. 51

Бударина К.А.

Сетевые отношения в контексте развития механизмов политической мобилизации

В статье рассмотрены основные параметры и характер сетевой политической мобилизации как нового феномена, связанного с бурным развитием информационно-коммуникационных технологий. Приведен анализ роли социальных сетей в политической мобилизации оппозиционного и провластного характера в России на рубеже 2011–2012 годов. Отмечена роль социальных сетей в деконструкции авторитарных режимов в ходе «арабской весны» и «цветных революций». Выявлен деструктивный и конструктивный потенциал политической сетевой мобилизации.

Ключевые слова: политическая система, политическая мобилизация, социальные сети.

Проблематика сетевых отношений в последние годы заняла важное место в российской политической науке. Это естественно – бурное развитие коммуникационных технологий и новые формы социальных интеракций формируют принципиально новые характеристики политических взаимодействий. Прежние политические процессы, отношения и институты «играют» по-новому, будучи «обработанными» сетевыми формами. Это касается и государственного управления и такого феномена как политическая мобилизация.

В результате распространения телекоммуникационных систем, делающих доступными огромные информационные ресурсы и технологии, качественным образом изменились форма и содержание международного и национального политического процесса, что привело к трансформациям политико-правовой природы государства, выразившимся в перераспределении его функций в сфере управления. В рамках этих трансформаций идет процесс политико-правовой концептуализации новых моделей государственного управления, в числе которых, прежде всего, доктрины «координирующего государства» в пику концепту национального государства, который в институционализации системы государственного управления представляет рационально-бюрократический тип. В связи с этим проблема обеспечения государственного суверенитета перемещается на задний план и рассматривается в ряду второстепенных целей государственного управления[1].

Сетевую управленческую форму в политическом и концептуально-правовом плане следует рассматривать как важнейшую сторону данного процесса, выразившуюся не столько в формировании новой методологии исследования политического процесса, сколько в становлении нового типа отношений, характеризующих процесс принятия и имплементации решений международным сообществом, группами государств и отдельными государствами, получившими название политических сетей.

Анализ сетевого подхода к государственному управлению в российской политической науке получил довольно широкое распространение и связан с именами известных ее представителей – Л. Сморгунова, А. Соловьева. Причем если первый акцентирует внимание на «позитивном» потенциале политических сетей (вовлеченность, подотчетность, участие)[2], то второй, напротив, рассматривает сетевые формы взаимодействия внутри правящего класса как способ дальнейшего «замыкания» российской элиты и процесса принятия политических решений в себе, влекущий деградацию традиционных механизмов выработки государственной политики и подотчетности[3].

Особо следует отметить рост исследований влияния сетей в публичной политике, в частности, ее отечественной версии. По данной тематике проводятся не только конференции и семинары, но и подготовлены кандидатские и докторские диссертации[4]. Сетевая проблематика все глубже захватывает исследования российского политического процесса. Не остается в стороне и такой аспект политических отношений и процессов как политическая мобилизация – здесь роль социальных сетей выражена весьма активно и является предметом пристального изучения.

Сетевая мобилизация, ярко заявившая о себе в период «арабской весны», в ходе «цветных революций» и массовых протестов столичного среднего класса в России в конце 2011 – начале 2012 годов, превратилась в значимый фактор политического процесса, подвергаемый не только научному анализу, но и попыткам регулирования и ограничения со стороны властей. Призрак «арабских революций» серьезно беспокоит, например, членов ОДКБ, и прежде всего – лидеры государств, входящих в эту организацию. Никому из них не нужны революции. Поэтому главным предметом договоренностей, достигнутых на саммите, стал «антиреволюционный киберфронт».[5]

Новые информационные технологии оказывают всепроникающее влияние на мир, опрокидывают устоявшиеся представления о политических возможностях и ресурсах мобилизации. «Викиликс» продемонстрировал: в век информации, не признающей ни государственных, ни языковых, ни моральных, ни вообще каких бы то ни было границ проницаемость жизни как простых граждан, так и публичных структур для спецслужб развитых стран является практически абсолютной. Революции в Египте, Тунисе, Ливии, Сирии наглядно показали: социальные сети могут служить политическим инструментом. До того момента, пока не закрыт доступ в Интернет, никакие цензурные ограничения в средствах массовой информации не оградит авторитарные режимы от массовых акций протеста, коллективными организаторами которых сегодня выступают Facebook и Twitter, а чем завтра пополнится этот арсенал, трудно прогнозировать. Но одновременно думать, что причины этих революций коренятся в свободном доступе к социальным сетям, было бы непростительным самообманом.

Какую роль играли «социальные СМИ» в политической мобилизации российского общества в период российских выборов 2011–2012 годов? Этот вопрос стал наиболее значимым для российской политической науки в связи с выборами в декабре в Государственную Думу 2011 года и последовавшими массовыми протестами столичного среднего класса. Хотя очевидно, что социальные сети, включая средства блогосферы, например, «Живой Журнал», и микроблогосферы, например, «Твиттер», а также социальные сайты, такие как «Фейсбук» и «ВКонтакте», сыграли значительную роль в мобилизации (и контрмобилизации) в плане как обеспечения связи, так и объединения общества, конкретная суть этой роли по-прежнему требуют подробного и тщательного изучения.

Аналитическая структура «Центр изучения интернета и общества» летом 2012 года представила доклад – как протестанты с обеих сторон фактически использовали «Твиттер», какое влияние оказала структура протестных групп на характер коммуникаций (и наоборот) и отличались ли эти структуры по разные стороны политического водораздела. В «первом приближении» эти данные позволяют сделать следующие три основных вывода:

Во-первых, «Твиттер» выполнял множество функций как одновременно, так и на разных этапах мобилизации, включая:

– обобщение информации, идей и мемов, связанных с мобилизационными действиями;

– распространение обобщенной информации, идей и мемов среди расширенной аудитории;

– «эффект эха», способствующий укреплению внутригрупповой солидарности и приверженности обобщенным мемам;

Во-вторых, у противостоящих политических «лагерей» наблюдается значительное расхождение социальной структуры:

– оппозиционные сети являются относительно более многообразными и разрозненными, чем проправительственные; кро-

ме того, они тесно связаны со СМИ, которые отличаются значительным присутствием в «Твиттере», что отчасти определило преобладание оппозиции в «Твиттере» в данном периоде;

– проправительственные сети отличаются относительно более высокой концентрацией, более интенсивной коммуникацией по установленным каналам, а также делают больший акцент на формальном распределении ролей, чем на неформальном участии.

В-третьих, в течение всего рассматриваемого периода ключевую роль в «Твиттере» играли профессиональные журналисты и СМИ, профессиональные блогеры и утвердившиеся гражданские группы, НПО и политические организации, тогда как влияние «неформальных» «Твиттеров» или «случайных» твитов представляется минимальным[6].

Как отмечает ряд авторов, анализируя риски сетевой политической мобилизации и ее влияние на политические системы и режимы, среди прочих следует выделить феномен направленной политической мобилизации, которая в сетях чаще всего связана с оказанием внешнего воздействия на различные политические системы посредством использования различных видов интернет-ресурсов[7].

В целом можно констатировать, что направленная политическая мобилизация, реализуемая посредством манипулятивных технологий, способна дестабилизировать политические системы. Тогда как информационно-коммуникационные технологии гражданской мобилизации являются эффективным инструментом обратной связи, обеспечивающим баланс отношений политико-административной системы и окружающей среды, а также ее внутреннюю устойчивость и адаптивность.

References

1. Kostjuchenko O.V. Politicheskie seti v gosudarstvennom upravlenii [Political networks in government], Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata juridicheskih nauk, Rostov-na Donu, 2009, p. 5. (In Russ.)

2. Smorgunov L.V. V poiskah upravljaemosti: koncepcii i transformacii gosudarstvennogo upravlenija v XXI veke [In search of controllability: the concept and transformation of public administration in the XXI century], SPb.: Izd. S.-Peterb. un-ta, 2012, 362 p. (In Russ.)

3. Solov'ev A.I. Institucional'nye seti rossijskogo gosudarstva i strategija samolegitimacii pravjashhego rezhima [Institutional Network of the Russian state and self-legitimation strategy of the ruling regime], Politicheskaja jekspertiza, 2012, № 3, p.p. 5-20. (In Russ.)

4. Miroshnichenko I.V. Social'nye seti v publichnoj rossijskoj politike [Social networks in the public Russian policy], Avtoreferat na soiskanie uchenoj stepeni doktora politicheskih nauk, Moskva, 2013. (In Russ.)

5. Gabuev A. I ODKB vyshla blokom [And came out of the CSTO unit], Kommersant, 2011, 13 avgusta. (In Russ.)

6. Grin S. «Tvitter» i protest v Rossii: memy, seti, mobilizacija [«Twitter» and protest in Russia: memes, networking, mobilization], Internet-izdanie Slon Ru. Rezhim dostupa - http://slon.ru/russia/tvitter_i_protest_v_rossii_memy_seti_i_mobilizatsiya-791222.xhtml

7. Kurochkin A.V. Social'nye seti kak instrument politicheskoj mobilizacii: opasnost' manipuljacii i predely demokratii [Social networks as a tool for political mobilization: the danger of manipulation and the limits of democracy], Politicheskaja jekspertiza, 2012, № 3, p. 203. (In Russ.)

[1] См.: Костюченко О.В. Политические сети в государственном управлении. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. – Ростов-на Дону, 2009. – С. 5.

[2] См.: Сморгунов Л.В. В поисках управляемости: концепции и трансформации государственного управления в XXI веке. СПб.: Изд. С.-Петерб. ун-та, 2012. 362 с.

[3] См.: Соловьев А.И. Институциональные сети российского государства и стратегия самолегитимации правящего режима // Политическая экспертиза. – 2012. – № 3. – С. 5–20.

[4] См.: Мирошниченко И.В. Социальные сети в публичной российской политике. Автореферат на соискание ученой степени доктора политических наук. Москва, 2013.

[5] См.: Габуев А. И ОДКБ вышла блоком // Коммерсант. 2011. 13 августа.

[6] См.: Грин С. «Твиттер» и протест в России: мемы, сети, мобилизация // Интернет-издание Слон Ру. Режим доступа – http://slon.ru/russia/tvitter_i_protest_v_rossii_memy_seti_i_mobilizatsiya-791222.xhtml

[7] См.: Курочкин А.В. Социальные сети как инструмент политической мобилизации: опасность манипуляции и пределы демократии // Политическая экспертиза. – 2012. – № 3. – С. 203.